

Опыт философского осмысления

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И НАРРАТИВ
В ФИЛОСОФИИ П. РИКЁРА**

Б.Л. ГУБМАН

Тема изначальной историчности человеческого бытия в горизонте времени, порождающего смысловую целостность опыта, несомненно является центральной в герменевтической философии. П. Рикёр закономерно обращается к ее рассмотрению, следуя маршруту, наметенному в произведениях Августина, М. Хайдеггера и Х.-Г. Гадамера. Тотальность исторического опыта, явленная культурной традицией, запечатленной в языке, в ее диахронном и синхронном измерениях, служит, по Рикёру, тем фоном, на котором идет становление личностного начала человеческого «Я» через многообразие форм его самоописания, а также складываются разноуровневые intersubъективные связи. Личностная рефлексивная идентичность, равно как и обретение коллективной самоидентичности, оказываются невозможными без обращения к рассказу. Рикёр убежден, что «время становится человеческим временем в той мере, в какой оно нарративно артикулировано, а рассказ обретает свое полное значение, когда он становится условием временного существования»¹. Рассказ способствует непрерывной аккумуляции смыслового содержания исторического опыта, его обогащения.

Историчность человеческого бытия: опыт и мимесис

Видение Рикёром проблемы исторического опыта, его непрерывного смыслового развития и трансляции в контексте intersubъективных связей сопряжено с попыткой выявить укорененность такового в онтологии человеческого существования во времени и одновременно раскрыть способ его повествовательной фиксации. Живой опыт и дискурс противостоят друг другу. Парадоксальность опыта заключается в том, что он немислим вне биения пульса исторического времени, живущего внутри человеческого существа, изначально заброшенного в мир, разделяющего его с другими людьми в определенной ситуации, и одновременно предполагает рефлексивное воспроизведение осмысленной картины происходящего в настоящем, понимание, закрепленное в рассказе, который опредмечивает череду ускользающих мгновений и адресуется ему внимающим. Потому-то изначальное содержание опыта, данное в непосредственном миропонимании устремлено к его фиксации в рассказе, а затем к новому ра-

унду понимающего смыслообогащения теми, кто осваивает повествование, продолжая разрешать свои жизненные проблемы. Особенность рикёровского герменевтического подхода к феномену исторического опыта заключается в его видении как непрерывного восхождения по ступеням понимания мира, выявляющего новые духовно-смысловые грани его целостности и событийно наполненных ситуаций. При этом Рикёр обращается к широкому синтезу интердисциплинарного плана, для того чтобы представить в их конкретике фигуры повествования о мире, опосредующие движение к его смысловому постижению.

Противостояние живого опыта существования во времени и дискурса, запечатленного в рассказе, по Рикёру, отчетливо представлено в сочинениях Августина и Аристотеля. Анализируя причину повышенного интереса Рикёра к творчеству этих авторов, И.С. Вдовина констатирует: «Итак, Августин исследует природу субъективного времени, не задумываясь над вопросом о повествовательной структуре, в то время как Аристотель создает теорию интриги, не касаясь проблемы времени»². В синтезе векторов их воззрений Рикёр видит собственную задачу.

Августин задумался о возможности представления человеческого существования во времени в границах сознания, наделенного им измерениями памяти, созерцания и ожидания, которые коррелятивны прошлому, настоящему и будущему. «Мы рассказываем о вещах, которые считаем истинными, и предсказываем события, которые происходят так, как мы их предвосхитили. Всякий раз именно язык, а также опыт и деятельность, которые он артикулирует, надежно противостоят натиску скептиков»³, — замечает Рикёр, резюмируя пафос учения Августина о способностях души. Опыт души оказывается таким образом, сообразно Рикёру, чьи размышления о наследии Августина весьма созвучны построениям Х. Арндт, свидетелем способности ее «расширения» во времени с целью своеобразного собирания событий в единой осмысленной картине.

Проблема мимесиса — творческого подражания живому опыту, ориентированного созданием интриги, направляющей оформление содержания, находится в центре внимания «Поэтики» Аристотеля. Мимесис, по Рикёру, нельзя отождествить просто с подражанием, ибо в нем содержится творческий момент. Если же соотносить его с репрезентацией, то он несет в себе возможность вымысла, создания иной реальности. Говоря о значимости наследия Аристотеля, Рикёр резонно замечает, что он, в отличие от Августина, мыслил мир в пределах физического времени, не задумываясь о воспроизведении временных иерархий человеческого сознания в сфере литературы. Поставив вопрос о мимесисе и интриге, Аристотель не увидел их определения продуктивным воображением и сопряженным с ним «нарративным схематизмом» в кантовском понимании этого процесса⁴. И все же

Рикёр говорит о чрезвычайной значимости его идеи мимесиса в дискурсивной организации исторически рождающегося опыта.

Трактовка Рикёром исторического опыта связана с его видением, предложенным Хайдеггером и Гадамером. Хайдеггер, по мысли Рикёра, обращается к проблеме опыта как порождаемой онтологией человеческого существования. «Противостояние между Августином и Аристотелем оказывается, таким образом, превзойденным новой проблематикой бытия-тут, которая опрокидывает имеющиеся понятия физического и психического»⁵. Хайдеггеровский подход послужил отправным пунктом для построения Гадамером теории действенно-исторического сознания и созданной в ее границах концепции герменевтического опыта. Солидаризируясь с воззрениями Гадамера по этому вопросу, Рикёр говорит о зависимости собственных взглядов от его теоретических построений: «С тем чтобы вывести бытие-затронутое-прошлым из понятия пространства опыта, мы избираем в качестве направляющей тему, введенную Гадамером в “Истине и методе” под общим заголовком “действенно-исторического сознания” (*Wirkungsgeschichtliches Bewusstsein*). Она обладает тем достоинством, что обращает нас к постижению нашего бытия-как-затронутых... в качестве соотношенного с действием (*Wirken*) на нас истории, сообразно с удачным переводом Жана Грондэна, как свидетельства *работы истории*»⁶. В ходе рассмотрения действенно-исторического сознания, исторического опыта Рикёр постоянно апеллирует к основоположениям мысли Гадамера, выводя их на новый уровень видения этой проблемы.

Рикёр принимает в целом критику эмпиристского истолкования опыта, предложенную Гадамером, и его позитивную оценку гегелевского видения его исторического становления. Опыт предстает в сочинениях Гегеля как постоянно рефлексивно трансформирующийся, содержащий «завершающий себя скептицизм». Повторяемость, воспроизводимость и единство опыта должно предполагать одновременно и возможность его непрестанного рефлексивного обновления. «Лишь нечто новое и столь же неожиданное может сообщить обладающему опыту новый опыт»⁷. Одновременно, подобно Гадамеру, Рикёр полагает финальный аккорд рассмотрения Гегелем сущности опыта, ведущий к снятию его самодвижения в логике абсолютного самосознания философии, неудовлетворяющим герменевтической установке.

Вслед за Гадамером, Рикёр развивает тезис о том, что носитель действенно-исторического сознания всегда бытийно связан с ситуацией, в которой он обнаруживает себя в настоящем⁸. Его деятельная вовлеченность в ситуацию, историчность диктует неразрывность любого происходящего во времени мыслительного усилия и традиции. Ситуация предполагает всегда сопряженность с настоящим, и, стало

быть, она, по Гадамеру, ограничена определенным горизонтом как полем зрения, открывающимся из пункта настоящего. Одновременно, — и этот тезис Гадамера также находит одобрение Рикёра⁹, — имеет место «слияние горизонтов» мира понимающего и мира понимаемого¹⁰. Именно герменевтический опыт и служит объединяющим их духовным основанием.

Существование в языке и открытость истории характеризуются Гадамером как две основные характеристики опыта. «Человек, живущий в мире, не просто снабжен языком как некоей оснасткой — но на языке основано и в нем выражается то, что для человека вообще есть мир»¹¹, — заключает Гадамер. По сути, ткань языка и его смыслы рисуются ему реальным воплощением духа и аккумулирующего его опыта. Благодаря ему рождаются интересубъективно значимые культурно-исторические миры, их многообразие. Язык и открытость истории справедливо характеризуются Гадамером как взаимосвязанные. Временность опыта означает его разомкнутость по отношению к будущему. И в силу этого обстоятельства, опыт принципиально неполон и открыт возможному событию, его явлению.

Любое событие, то, что случается, приходя в культурно-исторический мир, должно быть опознано и названо при помощи языка, повествовательно описано. Соглашаясь с Гадамером относительно коррелятивности языка и открытости истории как факторов, конституирующих опыт, Рикёр одновременно акцентирует событийный момент их единства, своеобразную устремленность на фиксацию референта, который изначально находится вне сферы известного в данном мире. «Полнота события, — констатирует Рикёр, — состоит не только в том, что кто-то берет слово и обращается к собеседнику, но также и в том, что он стремится внести в язык и разделить с другими новый опыт»¹². Этот опыт рассматривается Рикёром как имеющий своим горизонтом мир, поскольку референция, указующая на возможное в нем и за его пределами, обусловлена ситуативно. В этом контексте он выражает определенное несогласие с Гадамером относительно роли языка в созидании мира: «Из этого общего допущения следует, что язык не конституирует мир как таковой. Он даже вовсе не является миром»¹³. Пребывая в мире и реагируя на определенную ситуацию, человек пытается обрести понимание на базе собственного опыта, который для разделения с другими нуждается в языковой фиксации. Констатируя вторичность языкового фактора по отношению к событийному опыту в конституировании мира культуры, Рикёр не предлагает подробного обоснования этого тезиса. Язык для Рикёра — своеобразное средство введения событийно окрашенного опыта в мир, но при этом возникает вопрос возможности выражения такового в уже существующем словаре, а также создания иных вокабуляров, перспектив перевода и т.д., активно дебатующиеся

в трудах теоретиков не только герменевтики, но и аналитической философии.

Рикёр разделяет характеристику Гадамером взаимосвязи веры, понимания и игры в контексте герменевтического опыта, конституирующего действенно-историческое сознание. Подобно Гадамеру, он исходит из значимости веровательной составляющей предпосылочного знания, рационально обоснованных «предрассудков» и «предсуждений», связывая эту тему с культурным априори и дискурсивными механизмами осуществления продуктивного воображения, «нарративного схематизма». Таким образом, в несколько ином ракурсе им проводится доказательство роли традиции и авторитета в организации горизонта понимания мира¹⁴. В этой перспективе Рикёр принимает и трактовку Гадамером роли игры в ткани герменевтического опыта¹⁵.

Игра рисуется Гадамеру постоянно репродуцируемым отношением, предполагающим реакцию субъекта на событие, рождающееся в ситуации. «Челночное движение, которое имеет место внутри определенного поля игры, не происходит от человеческой игры и игровой активности как субъективного отношения. Как раз наоборот, даже для человеческой субъективности реальный опыт игры состоит в том, что нечто, подчиненное собственному множеству законов, получает преобладающую роль в игре»¹⁶, — характеризует игру Гадамер. Он подчеркивает, что любой фактор, вступающий в игру, более не принадлежит себе, но подчинен этому челночному движению, которое и составляет суть данного феномена. Игра предполагает взаимодействие игроков, но их реакция на действия партнера еще не является таковой. Игра предстает как само движение их взаимодействия, обладающее внутренней целостностью и телеологией, подчиняющей субъективное отношение к ней игроков. Понимание реляционной специфики игрового характера герменевтического опыта составляет основание гадамеровского видения действенно-исторического сознания.

В концепции Рикёра игра связывается как с процессом создания автором повествования, так и с его понимающим освоением (апроприацией) потенциальным читателем. «Игра, — замечает он, — не отделяется сознанием, которое осуществляет игру, игра обладает собственным бытийным состоянием. Игра — это опыт, который трансформирует тех, кто ему сопричастен»¹⁷. Подобно Гадамеру, Рикёр говорит о подчинении субъективности участников игры ее правилам, что позволяет в ее процессе создавать поле автономного производства смыслов. Как при создании произведения искусства, так и при производстве исторического повествования мир репрезентуется игровым способом¹⁸. Репрезентация вымышленного мира в искусстве или реконструированной реальности мира истории в осмысленном образе всегда предстает как незавершенный процесс

еще и потому, что усилия автора художественного произведения или исторического повествования являются прологом понимающего освоения заинтересованной аудиторией¹⁹. Исходя из этой предпосылки, Рикёр выстраивает собственное видение непрестанной динамики исторического опыта.

Рикёр полагает необходимым наметить основные уровни трансформации, поэтапного кругового и потенциально незавершенного восхождения опыта миропонимания на базе феномена мимесиса²⁰. Мимесис-I трактуется им как связанный с предпониманием мира действия, его структурных, символических и временных характеристик. Предпонимание мира человеческого действия в его отличие от природной реальности позволяет понимающе постигать смысл происходящего в социокультурной реальности с точки зрения действующих в ней субъектов, их отношений, символических средств и присутствующего временного порядка, без чего по сути невозможно осмысленное повествование художественного или исторического плана. Мимесис-II соотносится Рикёром с художественным и историческим повествованием, каждое из которых отличается специфическим способом референции по отношению к вымышленному или реконструируемому миру, что не исключает общности их структурных черт и особенностей построения интриги рассказа как способа синтеза разнородного. На этой стадии возникает особая конфигурация оформления герменевтического опыта. И, наконец, мимесис-III ассоциируется Рикёром с рефигурацией полученного во времени опыта путем взаимопересечения двух миров — текста и потенциального слушателя или читателя. «Таким образом, акт чтения представляет собой операцию, соединяющую мимесис-III и мимесис-II»²¹. Повествование оказывается опосредующим моментом в трансформации опыта от фазиса предпонимания к интерсубъективной коммуникации. Круговая структура интерпретации миметической процедуры предстает у Рикёра соответствующей постоянно открытому в будущее через горизонт настоящего движению исторического опыта.

В отличие от Хайдеггера, Рикёр выявляет не только экзистенциальные истоки, но и направленность исторического опыта на обеспечение интерсубъективных связей. Портретируя игровое восхождение исторического опыта по ступеням мимесиса, он подчеркивает в полемике с Гадамером, что современность не только взывает к его эстетическому освоению, но и предполагает постижение его содержания в политической, этической и религиозной перспективе.

Историческое повествование как смысловое обогащение опыта

В выяснении эпистемологической структуры повествования Рикёр видел важную философскую задачу, ибо оно поддерживается историческим опытом и одновременно питает таковой, не являясь простым

примером его объективации, как считает Гадамер²². Историческое повествование, на взгляд Рикёра, достойно самостоятельного анализа как пропитанное историческим опытом и одновременно вносящее весомый вклад в его конституирование. «Мы рассказываем истории, потому что, в конце концов, человеческая жизнь нуждается в этом и заслуживает того, чтобы о ней рассказывали»²³, — замечает Рикёр. Разрабатывая вопрос о взаимосвязи исторического опыта и повествования, он выстраивает мост между традициями континентальной и англо-американской философии, показывая возможность их взаимодействия. Апелляция к наследию теоретиков англо-американской аналитической философии способствует, прежде всего, углубленному анализу структуры нарратива, обогащающего исторический опыт.

Эпистемология истории раскрывает тот способ, каким исторический опыт оформляется в повествовании в этой дисциплине, осуществляющей три основные операции: архивацию свидетельств прошлого, понимание и объяснение, а также повествовательную репрезентацию прошлого в настоящем. Выделение трех историографических операций, являющих собой различные виды интерпретации, как постоянно подчеркивает Рикёр, возможно лишь для углубления эпистемологической рефлексии, ибо в реальной практике создания истории они взаимно переплетены и дополняют друг друга. Историческое повествование, тем самым, немислимо без опоры на свидетельства архивного плана, понимания и объяснения. Все три операции, по его мысли, способствуют накоплению исторического опыта, его смыслового арсенала.

Уже при архивировании, как показывает Рикёр, апеллируя к трудам высоко почитаемых им представителей школы «Анналов», живой опыт исторической памяти, запечатленный свидетельством источника, располагается в пространстве и времени, тем самым редуцируясь к избранному историком для письма масштабу. Исторические события должны быть, прежде всего, расположены в априорно задаваемых пространственно-временных координатах, ибо «при переходе от памяти к историографии одновременно претерпевают изменения пространство, в котором перемещаются протагонисты рассказанной истории, и время, в котором разворачиваются изложенные события»²⁴. «Здесь» и «там» произошедшие события должны быть помещены в идеализированную систему местопребываний и дат, упорядочивающую данные пространственно-временного опыта, прожитого свидетелями произошедшего. Рикёр демонстрирует, что пространственно-исторические события мыслимы лишь в определенной ландшафтной, географической среде, а с точки зрения времени попадают в систему координат хронометрии, хронологии, хронографии и хронософии. Исторические события начинают жить в сознании систематизирующих их людей с точки зрения их временной

упорядоченности в границах той или иной периодизации. Историко-графическая процедура справедливо рассматривается Рикёром как базирующаяся на двойной редукции живого опыта памяти и одновременно спекулятивно-умозрительных представлений о временном порядке. Конкретизируя гадамеровскую идею «сплавления горизонтов» в процессе понимания, Рикёр видит процесс конституирования «дворцов памяти» на базе постоянного переосмысления опыта истории в свете ее известных периодизаций. Таким образом, уже при первоначальной архивации событий могут возникать определенные критико-онтологические посылки построения картин истории.

При обращении к вопросу о свидетельстве и процессе создания архива в построениях Рикёра в специфической форме прослеживается гадамеровская тема вопрошания традиции минувшего. «Если архивы могут быть охарактеризованы как созданные, а документы как созданные и сохраненные, то это влечет предположение, что прошлое оставило след, запечатленный в памятниках и документах, свидетельствующих о нем»²⁵, — заключает он. Происходящее в истории оставляет следы, которые в мире человека запечатлеваются в знаковой форме и в плане расшифровки своего смыслового содержания требуют усилий историков. В ракурсе философско-лингвистической расшифровки следов минувшего Рикёр полагает необходимым обращение к идеям Остина, а их экзистенциальный статус выявляется, на его взгляд, в перспективе видения мира человека в фундаментальной онтологии Хайдеггера. Следы принадлежат миру прошлого, который вопрошает историк. Среди них важное место принадлежит свидетельствам, нужным историку для того, чтобы быть в состоянии сформулировать вопросы, на которые потенциально могут ответить их авторы. Свидетель должен подтвердить реальность произошедшего события, при свершении которого он присутствовал, и именно поэтому его сообщение вызывает к доверию историка и порождает принципиально диалогическое отношение²⁶. Рикёр обоснованно утверждает, что признание, предполагающее акт доверия к автору свидетельства в контексте intersубъективных связей, первично по отношению к любым процедурам его верификации и опровержения²⁷. Ведь может случиться так, что свидетельство и вовсе не найдет своего слушателя. Размышления Рикёра о диалогичности в отборе свидетельств вновь заставляют вспомнить о восприятии им учения Гадамера о роли взаимосвязи веры, понимания и игры в контексте герменевтического опыта.

Письменное оформление свидетельств, которые носят по преимуществу устный характер, составляет, по Рикёру, отличительную черту стадии создания архива. Архивы апеллируют к профессиональному интересу историка как читателя. Сберегая документированные следы, архив, как считает Рикёр, солидаризируясь с М. де Серто, являет

собой не только физическое, но и социальное тело. Акт созидания истории обретает институциональную форму благодаря инициативе физического или юридического лица. Вопрошание историка, как справедливо утверждает Рикёр вслед за М. Блоком, может сделать документом любой след, а не только записанное свидетельство, и на этой основе реконструктивным путем рождаются суждения о событиях прошлого, которые, пройдя процедуры верификации и фальсификации, обретают статус достоверных фактов.

В ходе анализа отличительных черт исторического объяснения/понимания Рикёр обращается к идеям М. Вебера, Б. Кроче, Р.Д. Коллингвуда, Р. Арона, М. Блока, Ф. Броделя, Л. Февра, Ж. Ле Гоффа, М. Фуко, М. де Серто, Н. Элиаса, а также К. Поппера, К. Гемпеля, Г.Х. фон Вригта, А. Данто, Х. Уайта и других теоретиков аналитической философии истории²⁸. Их синтетическое осмысление необходимо ему для построения целостной теории исторического повествования.

Анализируя стремление историка ответить на вопрос «почему» случились определенные события, Рикёр говорит о необходимости превзойти дуальное противостояние объяснения и понимания: снятие дилеммы номологического и смыслопостигающего взгляда на явления минувшего справедливо видится ему значимым для преодоления барьера между социальным и гуманитарным знанием. В своем видении единения двух типов знания он вдохновляется веберовским идеалом. Для этого, прежде всего, на его взгляд, необходимо предложить общее определение предмета истории и способа его постижения. История трактуется Рикёром по ее предмету как специфическая социальная наука, не исключаящая одновременно гуманитарной заинтересованности особенным, сингулярным. Как и иные социальные дисциплины она изучает человеческую интеракцию, «модальности промежутка» (Х. Арндт), отличаясь от социологии тем, что «делает акцент на изменении и на различных отклонениях, связанных с изменениями»²⁹. Историк, воспроизводя в своем творческом воображении канувшее в лету (Р.Дж. Коллингвуд), имеет дело, как обоснованно полагает Рикёр, с моделированием объекта собственного исследования сообразно с источниками, чтобы затем содержательно раскрыть его предметный срез, предложив объяснение-понимание. С его точки зрения, в истории вполне возможно соединение различных способов типологически-номологического объяснения по модели К. Поппера–К. Гемпеля и телеологически-смыслового понимания исторических деяний. При этом Рикёр справедливо полагает, что применяемые в исследовании методологические стратегии, средства объяснения и понимания во многом связаны с предметным срезом, избираемым историком. Можно писать макроисторию, подобно «истории больших длительностей» школы «Анналов» или поиску

«дискурсивных формаций» М. Фуко, или же, избрав иной вариант, сфокусироваться на создании микроистории локальностей. Рикёр говорит в связи с этим о своеобразном кризисе истории «ментальностей», в силу, как он полагает, известной «неопределенности» ее предмета, излишней генерализации толкования такового и обоснованном росте популярности репрезентативного подхода в исследовании типологических особенностей локально определенных сегментов прошлого с их «идентичностями и социальными связями». Направленность на детальную репрезентацию явлений минувшего, хотя и не снимает вопроса о конструктивном компоненте их воспроизведения, в настоящее время ведет к росту популярности этого историографического направления не только в европейской, но и в англо-американской историографии.

Репрезентация явлений прошлого, запечатлеваемая в повествовательной форме, предстает в прочтении Рикёра завершающей исторической операцией, которая в реальной практике профессиональной работы неотрывна от двух предыдущих. «Вырванный архивом из мира действия, историк включается в него, внедряя свой текст в мир своих читателей; сама же книга истории становится документом, открытым для дальнейшего переписывания: тем самым историческое познание вовлекается в непрерывный процесс пересмотра»³⁰, — заключает Рикёр, полностью разделяя пафос гадамеровского видения «истории действия». Повествование в истории выступает в его интерпретации как письменная, литературная репрезентация, которой одновременно присущи черты научности. Оно обоснованно предстает в этой перспективе как характеристика человеческого бытия во времени, связанная с обретением рефлексивной самоидентичности.

Понимание исторического повествования в его сопоставлении с литературным аналогом достаточно существенно различается во «Времени и рассказе» и в более позднем произведении Рикёра «Память, история, забвение», демонстрируя эволюцию его мысли. Если первоначально он говорил об их относительной схожести, то позднее возникает тезис о возможности охарактеризовать историческое повествование в тех же понятийно-аналитических рамках, что и литературное³¹. В любом случае, историческое повествование предстает как смысловая целостность, рассказывающая о некоторых событийных реалиях, имевших место во времени, адресованная потенциальному читателю, способному понять не только семантику практического действия вообще в отличие от природных явлений и процессов, но и реалии того исторического мира, о котором пишет автор. Как носитель исторического опыта повествование предполагает сплавление горизонтов прошлого и настоящего, представленного автором и потенциальным читателем.

Рикёр справедливо уделяет большое внимание оформлению имманентной организации целостности повествования, которая всегда предполагает набор несущих семантическую нагрузку знаково-символических средств, сюжетную канву рассказа, его базовую интригу, композиционный строй, позволяющие обсуждать разноплановые исторические ситуации, события, действия вовлеченных в них индивидуальных и коллективных субъектов, а также структуры, упорядочивающие таковые. Подобно литературному повествованию, исторический рассказ рисуется им как во многом определенный интригой, призванной завораживать внимание потенциального читателя, обостряя понимание смысла происходящего и требуя выверенной композиционной подачи излагаемого материала.

Рикёр полагает, что в сфере истории построение интриги «сохраняет объяснительный эффект, в том смысле, что оно определяет не события рассказанной истории, а саму эту историю, определяя класс, к которому она принадлежит»³². Таким образом, литературная сторона исторического повествования приводит, на его взгляд, к содержательному рассмотрению взаимосвязи события и структуры, указывая на их неразрывность. Стараясь примирить на новом витке анализа микроисторию и макроисторию, Рикёр солидаризируется с Р. Козеллеком относительно взаимодополнительности события и структуры³³. Он прав, когда говорит о варьирующейся степени общности события, отличающей, например, индивидуальный поступок того или иного деятеля прошлого от Французской революции. Обоснованно и его суждение об иницирующей роли события в истории, побуждающей к конструированию повествования, хотя в его построениях не находит места освещение проблемы различия событий как элементов уже сложившейся системы, конституирующихся наличной ситуацией, и тех, которые ее «взрывают», порождая радикально новую. В последнем случае, само событие, равно как и задаваемая им новая ситуация в единстве составляющих ее элементов вызывает к новому языку ее описания в контексте повествования.

Историческое повествование, как показал Х. Уайт, отмечено опосредованностью излагаемого материала риторическими стратегиями, которые по-разному срабатывали в творчестве несхожих по своим жанрово-эстетическим, эпистемологическим и идеологическим устремлениям авторов³⁴. Положительно оценивая его усилия, Рикёр вместе с тем склонен акцентировать то, что историческое повествование при всей его литературности и даже визуальной образности, вызываемой у читателя, все же указывает при опоре на свидетельства и собственные понимающе-экспликативные ресурсы на реальность прошлого³⁵. Потому-то он и вступает в полемику с программой редукции исторического повествования

к чисто языковой реальности, предложенной Р. Бартом, говорившим об уходе в небытие символического мышления, указующего на внелингвистическую действительность. В итоге собственных размышлений Рикёр солидаризируется с Гадамером, говоря о том, что исторический нарратив через некий первоначальный образ, модель прошлого все же воспроизводит ту реальность, которая исчезла и канула в лету. Он призывает не забывать «о положительной стороне репрезентации-замещения, а именно об избытке бытия, который она придает тому, что ею представлено»³⁶. Приобретая в повествовании новый смысл, прошлое обладает специфическим бытийным статусом в историческом опыте, конституирующем действенно-историческое сознание.

Метаисторическая рефлексия способов фиксации исторического опыта в перспективе критической философии истории сопутствует, по Рикёру, историческому повествованию. Видение истории, своеобразное предвосхищение ее целостности, как показал Р. Козеллек, есть конкретное прочтение исторического опыта, служащее предпосылкой практики историографии³⁷. Принимая его идеи в качестве своеобразной расшифровки гадамеровского прочтения исторического опыта, Рикёр обращается далее к проблемам концептуализации современности, оценочного вердикта историческим событиям и соотношению объективности объяснения, понимания и интерпретации минувшего³⁸. Критико-рефлексивное философское рассмотрение истории возвращает нас к теме ее онтологических оснований, служит прологом финального осмысления ее опыта в политическом, нравственном и религиозном измерениях, обращения к теме вины, забвения и прощения.

В философии Рикёра исторический опыт предстает итогом бытия человека во времени, фиксируемым в форме наполненного смыслом повествования, которое адресовано сообществу воспринимающих его людей, ориентированных на понимание и деятельное изменение мира. Круговая структура понимания мира представлена в миметическом смысловом обогащении опыта в его трансформации от стадии предпонимания, к дискурсивной конфигурации в художественном и историческом повествовании и затем к рефигурации содержания такого воспринимающим сообществом. В отличие от иных версий герменевтической философии, Рикёр предложил на широкой интердисциплинарной основе последовательное рассмотрение эпистемологической специфики исторического повествования, продемонстрировав одновременно онтологию обогащения смыслового содержания опыта в этом процессе. Историческое повествование рассматривается им как активно формирующее личностную и коллективную идентичности, осмысление современности в политической, моральной и религиозной перспективах.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. – М.; СПб.: Университетская книга, 1998. С. 65.
- ² Вдовина И.С. Феноменология во Франции. – М.: Канон+, 2009. С. 339 – 340.
- ³ Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. С. 20.
- ⁴ Там же. С. 84.
- ⁵ Ricœur P. Temps et récit III. Le temps raconté. – Paris: Seuil, 1985. P. 93.
- ⁶ Ibid. P. 314.
- ⁷ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. – М.: Прогресс, 1988. С. 417.
- ⁸ Ricœur P. Temps et récit III. Le temps raconté. P. 337.
- ⁹ Ibid. P. 320.
- ¹⁰ Gadamer H.-G. Reason in the Age of Science. – Cambridge: The MIT Press, 1986. P. 111.
- ¹¹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. С. 512.
- ¹² Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. С. 95.
- ¹³ Там же. С. 96.
- ¹⁴ Ricœur P. Temps et récit III. Le temps raconté. P. 326.
- ¹⁵ Первоначально проблематика взаимосвязи опыта и игры возникает в контексте эстетического анализа Гадамером бытия произведения искусства, достаточно обстоятельно представленного в «Истине и методе» (*Di Cesare D. Gadamer. A Philosophical Portrait.* – Bloomington: Indiana University Press, 2013. P. 48 – 67). Связь эстетического и феноменолого-онтологического ракурсов рассмотрения единства герменевтического опыта и игры прослеживается в контексте «Истины и метода», но отношения между ними вырисовываются в этом произведении отнюдь не последовательно, что позволяет Ф. Анкерсмиту даже необоснованно упрекнуть Гадамера в отсутствии разработанной линии взаимосвязи между эстетическими и общеполитическими идеями его произведения (*Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт.* – М.: Европа, 2007. С. 283). Именно поэтому столь важны комментарии относительно понимания единства опыта и игры, представленные в многочисленных статьях самого Гадамера.
- ¹⁶ Gadamer H.-G. Philosophical Hermeneutics. – Berkeley: University of California, 1976. P. 53.
- ¹⁷ Ricœur P. Hermeneutics and the Human Sciences. – Cambridge: Cambridge University Press; Paris: Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1982. P. 186.
- ¹⁸ Ibid. P. 186.
- ¹⁹ Ibid. P. 189 – 190.
- ²⁰ См.: Вдовина И.С. Феноменология во Франции. С. 344 – 348.
- ²¹ Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. С. 94.
- ²² Gadamer H.-G. Philosophical Hermeneutics. P. 6 – 7.
- ²³ Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. С. 92.
- ²⁴ Рикёр П. Память, История, Забвение. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. С. 204.
- ²⁵ Ricœur P. Temps et récit III. Le temps raconté. P. 175.
- ²⁶ См.: Рикёр П. Память, История, Забвение. С. 228.
- ²⁷ См.: Рикёр П. Путь признания. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 190 – 201.
- ²⁸ Ricœur P. Hermeneutics and the Human Sciences. P. 145 – 164.
- ²⁹ Рикёр П. Память, История, Забвение. С. 256.
- ³⁰ Там же. С. 329.
- ³¹ Там же. С. 342.
- ³² Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. С. 190.
- ³³ См.: Рикёр П. Память, История, Забвение. С. 344 – 345.
- ³⁴ См.: Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. С. 18.
- ³⁵ Рикёр П. Память, История, Забвение. С. 357.
- ³⁶ Там же. С. 398.

³⁷ Koselleck R. The Practice of Conceptual History. Timing History, Spacing Concepts. – Stanford: Stanford University Press, 2002. P. 100 – 115.

³⁸ Ricœur P. Temps et récit III. Le temps raconté. P. 301 – 313.

REFERENCES

- Ankersmith F.R. Vozvyshenniy istoricheskiy opyt. – Moskva: Yevropa, 2007.
- Di Cesare D. Gadamer. A Philosophical Portrait. – Bloomington: Indiana University Press, 2013.
- Gadamer H.-G. Philosophical Hermeneutics. – Berkeley: University of California, 1976.
- Gadamer H.-G. Reason in the Age of Science. – Cambridge: The MIT Press, 1986.
- Gadamer X.-G. Istina i metod. – Moskva: Progress, 1988.
- Koselleck R. The Practice of Conceptual History. Timing History, Spacing Concepts. – Stanford: Stanford University Press, 2002.
- Ricœur P. Hermeneutics and the Human Sciences. – Cambridge: Cambridge University Press, Paris: Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1982.
- Ricœur P. Pamyat'. Istoriya. Zabveniyе. – Moskva: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury, 2004.
- Ricœur P. Put' priznaniya. – Moskva: ROSSPEN, 2010.
- Ricœur P. Temps et récit III. Le temps raconté. – Paris: Seuil, 1985.
- Ricœur P. Vremya i rasskaz. Vol. 1. – Moskva; St. Petersburg: Universitetskaya kniga, 1998.
- Vdovina I.S. Fenomenologiya vo Frantsii. – Moskva: Kanon+, 2009.
- White H. Metaistoriya: Istoricheskoye voobrazheniye v Yevrope XIX veka. – Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2002.

Аннотация

В статье анализируется взаимосвязь исторического опыта и повествования в философии П. Рикёра. Показано, что исторический опыт предстает в его учении итогом бытия человека во времени, фиксируемым в форме наполненного смыслом повествования, которое адресовано сообществу воспринимающих его людей, ориентированных на понимание и деятельное изменение мира. В этой перспективе Рикёр рассматривается как философ, предложивший на междисциплинарной основе глубокое рассмотрение эпистемологической специфики исторического повествования, продемонстрировав одновременно онтологию обогащения смыслового содержания опыта в этом процессе.

Ключевые слова: исторический опыт, повествование, человеческое существование, время, память, мир, мимесис, след, свидетельство, архив, понимание, интерпретация, объяснение, репрезентация.

Summary

The article is aimed at the analysis of the historical experience and the narrative relations. It reveals that in Ricœur's doctrine the historical experience is interpreted on the basis of the human existence in time fixed in the meaningful narrative addressed to the community of people looking for a way of understanding and actively changing world. In this perspective, Ricœur should be viewed as a thinker who offered on the broad inter-disciplinary platform a profound understanding of epistemology of the historical narrative proving at the same time the enrichment of the experience meaningful content in the course of this process.

Keywords: historical experience, narrative, human existence, time, memory, world, mimesis, trace, evidence, archive, understanding, interpretation, explanation, representation.